

Ю. В. Зевако, Д. Н. Караваева
**МЕДИАПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
 ОБ ЭПОХЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
 (на примере тематических интернет-проектов)***

doi: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-107-115

УДК 94(470)

ББК 63.3(2):71

В статье рассматриваются основные дискурсы политики памяти об эпохе политических репрессий, сложившиеся в России в 1990–2010-х гг., (официальный, либеральный, православный). Особенности процесса осмысления событий конца 1920-х — начала 1950-х гг. рассмотрены в концепции «травмы» (С. А. Ушакин, З. Богумил) и «постпамяти» (М. Хирш) на примере тематических интернет-проектов (виртуальный музей ГУЛАГа, «Бессмертный барак», «Письма врагов народа», сайт «Мемориал» и «Фома»). Особое внимание уделяется анализу языка каждого из них, определению смысловых конструкций, через которые формулируется политика памяти об этой эпохе. Наиболее активно и изобретательно виртуальное пространство используют представители либерального подхода. Православные и официальные проекты политики памяти об эпохе политических репрессий характеризуются фрагментарностью, ситуативностью и факультативным характером. Проведенный анализ тематических интернет-проектов позволяет утверждать, что медиапространство политики памяти в отношении эпохи политических репрессий обладает большим потенциалом, в том числе в формировании согласованных нарративов об этой эпохе и, соответственно, в преодолении коллективной травмы.

Ключевые слова: *политика памяти об эпохе политических репрессий, дискурсы памяти об эпохе политических репрессий, интернет-проекты, постпамять, «травма»*

Эпоха политических репрессий до сих пор остается одной из самых сложных и острых тем в профессиональном историческом, общественно-политическом и научном пространстве современной России.¹

Дискуссии о причинах репрессий, о количестве жертв, о роли И. В. Сталина в этих событиях, об их социальных последствиях продолжаются.² Опросы общественного мнения

¹ См.: Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2. История. 2014. Вып. 2. С. 106–126.

² См., например: Кондрашин В. В. О государственной политике формирования и сохранения исторической памяти // Гуманитарные науки. Хроника. 2016. № 2 (38). С. 236–240; Земсков В. Н. Масштабы политических репрессий в СССР (против спекулятивных и мифологических построений) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14, № 3. С. 79–88;

Зевако Юлия Валерьевна — к.полит.н., н.с. лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: milirita@rambler.ru

Караваева Дина Николаевна — к.и.н., с.н.с. лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Президентского гранта молодым ученым — кандидатам наук (МК-1206.2019.6, рук. Д. Н. Караваева)

выявляют существенные разногласия в осмыслении данной эпохи разными социальными группами в рамках оппозиции «сталинисты — антисталинисты».³ Исследователи отмечают отсутствие однозначного отношения к собственному прошлому в России даже в музейных экспозициях.⁴

Все это говорит о травматичности эпохи политических репрессий для российского общества. С. Ушакин отмечает: «Нередко в формировании социальной памяти о катастрофах сами потерпевшие играют далеко не определяющую роль. Более того, если официальные лица и институты, призванные расследовать причины катастроф, ориентированы

Историк Александр Эткинд — о том, как память о репрессиях влияет на нас сегодня // The Village. 2016. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/city-interview/231735-repressii> (дата обращения: 10.04.2019).

³ Согласно данным опроса ВЦИОМ, в 2017 г. существенное число респондентов (43%), слышавших о репрессиях, склонно соглашаться с тем мнением, что без осуществления репрессий невозможно было сохранить порядок в стране. Несогласных с этим, категорически осуждающих репрессии, лишь немногим больше (49% среди всех опрошенных и 57% среди тех, в чьих семьях были репрессированные). См.: Сталинские репрессии: преступление или наказание // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301> (дата обращения: 10.04.2019).

⁴ См.: Лебедева О. Одно прошлое — две памяти: сравнительный анализ экспозиций музея Беломорско-Балтийского водного пути и музея Соловецкого лагеря особого назначения // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2018. Т. 10, № 2. С. 134, 135.

прежде всего на то, чтобы «закрыть дело», определив виновных, пострадавших и размер ущерба, то сами пострадавшие преследуют иные цели. Тема мемориализации справедливости, исторической правды оказывается в прямом конфликте с политической потребностью сформировать «окончательную» версию произошедшего». ⁵

Этот конфликт порождает две противоположные позиции по поводу памяти об эпохе политических репрессий — официальную и либеральную. Кроме того, на начало 1990-х гг. приходится «религиозный ренессанс», восстановление в правах Русской православной церкви (РПЦ), которой репрессии коснулись еще с начала 1920-х гг. Церковь стала активным игроком на поле политики памяти: ⁶ с одной стороны, обращаясь к традиции поддержки и обоснования действий досоветской власти, а с другой — пытаясь по-своему осмыслить события политических репрессий.

Таким образом, можно условно выделить три проекта политики памяти эпохи политических репрессий: официальный, либеральный и православный, ⁷ — символически воплотившиеся в мемориальной триаде «стена памяти», «маски скорби» и «православный крест». ⁸ Каждый дискурс имеет собственные «публичные стратегии в отношении прошлого, собственную концептуализацию, а также практики коммеморации и преподавания истории». ⁹ Все это значительно влияет на осмысление эпохи политических репрессий со стороны не только интеллектуалов, но и широких общественных масс.

Содержательный анализ обозначенных дискурсов позволяет очертить смысловое поле каждого из них.

Официальный — направлен на создание окончательной версии произошедшего, не подвергающей сомнению законность власти: воздать память пострадавшим, оставив в тени

имена «палачей» (память о жертвах без памяти о преступлениях), сформировать подконтрольное государству пространство политики памяти об эпохе политических репрессий. ¹⁰

Необходимо отметить, что официальный дискурс, стремясь найти удобную трактовку «неудобного прошлого», «политически пригодного», ¹¹ долгое время имел весьма расплывчатый и ситуативный характер — в отличие от либерального и православного проектов, которые с начала 1990-х гг. стали создавать свои версии истории и образы эпохи, оформлять и символически насыщать места памяти.

Либеральный подход строится вокруг идеи восстановления исторической справедливости, признания со стороны государства преступлений в отношении собственного народа и публичного покаяния в них, возвращения имен пострадавших от репрессий (память о жертвах) и раскрытия имен палачей (память о преступлениях), повсеместного признания и оформления мест памяти, связанных с эпохой политических репрессий. ¹²

Православный взгляд рассматривает всех расстрелянных как «новомучеников» и обращается не к актуализации памяти, а к практикам поминовения. Представители церкви не ставят вопрос о вине и виновности власти или конкретных людей: «РПЦ не требует отречения от “славного советского прошлого”, скорее, утверждает, что принесенные тогда жертвы были необходимы для возрождения веры и потому имели позитивный смысл». ¹³ Все невинно пострадавшие, их смерть в лагерях, мучения не были напрасными, «они ценны и являются частью нового дискурса славы

⁵ Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты. М., 2009. С. 32.

⁶ См.: Богумил З. Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе // Неприкосновенный запас. 2010. № 3 (71). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/zu3.html> (дата обращения: 23.03.2019).

⁷ См.: Sneagon T. Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making «Patriotic» Sense of the Gulag in Present-Day Russia // Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia. Amsterdam, 2019. P. 105–140.

⁸ См.: Bogumil Z. Stone, Cross and Mask... // Polish Sociological Review. 2012. № 177. P. 71–90.

⁹ Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4 (71). С. 114.

¹⁰ См.: Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561-р «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» // СЗ РФ. 2015. № 34. Ст. 4930.

¹¹ См.: Малинова О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 114–130.

¹² См., напр.: Миллер А. Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов // Гефтер. 30.01.2017. URL: <http://gefeter.ru/archive/20967> (дата обращения: 10.04.2019); Путилова Е. Г. Проблема увековечивания памяти жертв политических репрессий в России (вторая половина 1980-х — начало 2000-х гг.) // Вестн. ТГПУ. 2010. Вып. 9 (99). С. 71–75; Лёзина Е. Преодоление прошлого в посттоталитарном обществе как гарантия общественно-политической свободы. URL: <http://www.cogita.ru/pamyat/kultura-pamyati/teksty-dokladov-konferencii-abmezhdpamyatyu-i-amneziei-sledy-i-obrazy-gulagabb-5-7-noyabrya-2007/lyozina-evgeniya.-preodolenie-proshlogo-v-posttotalitarnom-obshchestve-kak-garantiya-obshchestvenno-politicheskoi-svobody> (дата обращения: 10.04.2019).

¹³ Богумил З. Кресты и камни...

обновленной России».¹⁴ З. Богумил подчеркивает, что в этой позиции православный подход совпадает с официальным.

Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий появилась в 2015 г.¹⁵ При этом в программном документе изначально обозначены рамки, в которых государство готово поддерживать и реализовывать политику памяти в отношении эпохи политических репрессий: с одной стороны, стремление опереться на православный дискурс о «новомученичестве» и «ненапрасности жертв» (однако огосударствление православного подхода невозможно в силу конституционного положения о светском характере Российской Федерации), с другой — государство не может отказаться от элементов либерального дискурса, который уже стал частью общественного обсуждения. Но поскольку представители либеральной идеи изначально встали в оппозицию государству («государство — репрессивная машина»), дискредитируя его институты и побуждая «покаяться в прошлых грехах», существующая власть ставит четкие рамки компромисса: инициативы и мероприятия, которые касаются памяти о жертвах, вписываются в официальную политику, которые касаются памяти о преступлениях — нет.¹⁶

Принципиальным является то, что представители каждого из дискурсов работают не с историей, а с памятью. Наступление «мемориальной эпохи» (или «мемориального поворота») стало одним из ярких проявлений встраивания принципов постмодерна в научные, социальные и индивидуальные практики, в том числе практики памяти.

К таким принципам можно отнести: неограниченное право каждого на индивидуальный выбор целей и способов действий на основе своего микроопыта, как следствие — приоритет центробежным тенденциям, локализации, фрагментации, хаотическому плюрализму в осмыслении действительности, сосуществованию различных концептуальных подходов, в том числе взаимоисключающих, индивидуальным язы-

кам описания окружающего мира, смысловым искажениям как норме и т. д.¹⁷

Г. А. Антипов обращает внимание, что необходимо различать как сами мемориальные практики и историческое познание, так и их продукты: «продуктом мемориальной практики с момента ее зарождения становится нарратив, продуктом исторического познания — историческое знание».¹⁸ Далее исследователь отмечает, что «по своему эпистемологическому статусу нарратив есть *представление*», под представлением понимается «чувственно наглядный образ предметов и явлений действительности, сохраняемый и воспроизводимый в сознании без непосредственного воздействия самих предметов и явлений на органы... предмет мышления удаётся как бы поставить перед собой как нечто воспринимаемое. Причем, если восприятие относится только к настоящему, то представление одновременно относится и к настоящему, и к прошлому, и к будущему... [это] результат воображения, а воображение — процесс переработки материала восприятий и представлений, полученных в предшествующем опыте».¹⁹ Г. А. Антипов приходит к выводу, что «и историческая (история/память), и биографическая память способны... инициировать достаточно сильные чувства. Ничего подобного нельзя, конечно, сказать о научном историческом знании».

Г. А. Антипов делает акцент на различении *продуктов* мемориальных практик и исторического познания. Однако имеет смысл остановиться на природе самих мемориальных практик, прежде всего современных. Эти практики основываются уже не на восприятии, а на ощущениях: один из последних трендов мемориальных практик — использование иммерсивности (различных видов смешения реальной и виртуальной реальности, создающих эффект присутствия), театрального приема, основанного на вовлеченности зрителя, его «погружении... через воздействие на все органы чувств»,²⁰ то есть через ощущения.

Именно благодаря этому приему происходит «глубокое эмоциональное переживание», которое является «точкой входа» прошлого

¹⁴ Там же.

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ...

¹⁶ См.: Серёгина Е. А. Государственная институционализация памяти о периоде сталинизма в России и Латвии: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2017. № 1 (22). С. 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-institut-sionalizatsiya-pamyati-o-periode-stalinizma-v-rossii-i-latvii-sravnitelnyu-analiz/viewer> (дата обращения: 10.04.2019).

¹⁷ См.: Бикбова Л. В. Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 60.

¹⁸ Антипов Г. А. От памяти к истории // Идеи и идеалы. 2012. Т. 1, № 4. С. 40.

¹⁹ Там же. С. 40, 41.

²⁰ Интернет-ресурс «Иммерсивный.ру» (все об иммерсивных спектаклях и шоу). URL: <https://immersivny.ru/immersivnyie-shou-za-rubezhom/> (дата обращения: 23.03.2019).

в настоящее, условием для горизонтальной и межпоколенной трансмиссии постпамяти, превращения ее из семейной в аффилиативную и ассоциативную.²¹

Анализируя современные практики памяти относительно травматических событий нашей истории, можно отметить, что они работают прежде всего с ощущениями. Антиномии мемориальных практик и исторического познания можно обозначить и так: «прошлое, данное в ощущениях» vs «прошлое, данное в фактах/знаниях».

Иммерсивность проникает и в медиапродукты, авторы которых предлагают разные варианты погружения в эпоху, прикосновения к «травме». Помещенные в определенный исторический контекст, представляющие трагические судьбы и биографии реальных людей, такие сценарии позволяют современным людям довольно безопасно и безнаказанно поиграть в палачей и их жертв, разыграть соответствующие роли. Фактически иммерсивные практики памяти помогают именно *играть* в прошлое — в «особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами», осознавая свою деятельность как «ненастоящую, не связанную с обыденной жизнью».²² Кроме того, современные технологии позволяют сделать прошлое / память о прошлом одной из опций настоящего, источником сильных эмоций, к которым можно через смартфон подключаться в любой момент. История как память становится предметом индивидуального пользования.

Описанные метаморфозы являются результатом многих процессов, среди которых особое внимание в контексте рассматриваемой темы необходимо уделить такому явлению, как «режимы историчности». Под «режимом историчности» Ф. Артог понимает «способ, с помощью которого общество трактует свое прошлое и рассуждает о нем... Разнообразие режимов историчности — это разнообразие форм согласования прошлого, настоящего и будущего <...> рождение нового историче-

ского времени как бы замерло... современный опыт перманентного настоящего, неуловимого и почти неподвижного, старающегося, несмотря ни на что, произвести для самого себя свое собственное историческое время».²³

Отсутствие социальной рефлексии по поводу травматических событий прошлого в национальном масштабе, согласно мнению ряда исследователей, не позволяет прошлому оторваться от настоящего: прошлое оказывается «прошлым настоящего»,²⁴ во многом на настоящее влияя и определяя его, а также трактуется настоящим из потребностей сегодняшнего дня. Такое состояние настоящего Ф. Артог обозначает понятием «презентизм».

Ситуация временной неопределенности настоящего порождается не только «вторжением» прошлого в настоящее через необходимость снова и снова осмысливать трагические и масштабные события прошлого на основе открывающихся документов, собираемых воспоминаний, меняющихся политических установок, но и стремительной цифровизацией общества.

Широкое распространение сети интернет и технологий, позволяющих создавать медиапродукты, размещать не только текстовые, но и фото-, фоно- и видеодокументы, выкладывать базы данных с быстрым поиском и т. д., дает возможность обращаться к прошлому и включать его в свою повседневность любому человеку. В интернет-пространстве одновременно существуют прошлое, настоящее и будущее, подчиняясь интересам настоящего и отвечая его запросам. Политика памяти начинает осваивать виртуальное пространство сети интернет и постепенно перемещаться в него из реального.

Определенный интерес представляет изучение медиапространства политики памяти эпохи политических репрессий, для чего необходимо проанализировать визуальный язык соответствующих интернет-ресурсов. К медиапродуктам об эпохе политических репрессий можно отнести виртуальный музей ГУЛАГа, проекты «Бессмертный барак», «Письма врагов народа», сайты «Мемориал» и «Фома», электронные базы данных репрессированных, фильмы, страницы в социальных сетях и др.

²¹ См.: Хирш М. Что такое постпамять. URL: <http://urokiistorii.ru/article/53287> (дата обращения: 17.06.2016); Она же. «Есть разница между постпамятью и мобилизацией патриотических чувств» (интервью А. Лозинской с М. Хирш, 21.10.2016). URL: <http://urokiistorii.ru/article/53499> (дата обращения: 23.03.2019); Она же. Память и контрпамять будущего: конспект лекций М. Хирш (запись Е. Сувериной, 18.08.2017). URL: <http://publichistorylab.ru/archives/424> (дата обращения: 23.03.2019).

²² Хейзинга Й. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб., 2011. С. 18.

²³ Артог А. Порядок времени. Режимы историчности // Не-прикосновенный запас. 2008. № 3 (59). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (дата обращения: 23.03.2019).

²⁴ См.: Бижкова Л. В. Указ. соч. С. 62; Савельева И. М., Полтаев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен». Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 63–88.

Медиапродукты с точки зрения «visual studies» являются пространством свободной интерпретации и предполагают активную роль самого адресата,²⁵ которая стимулируется и обеспечивается среди прочего средствами визуализации информации, мыслей и чувств,²⁶ в результате чего главной задачей реального/ виртуального музея (которым в определенной мере можно назвать и медиапродукты) становится «не представить экспонаты, а обеспечить непосредственное визуальное обращение к эмоциям» (директор «Дома Террора» М. Шмидт).²⁷ Достижению этой цели способствует цветовое оформление, которое позволяет более глубоко воздействовать на эмоциональную сферу адресата, на его ощущения и переживания.²⁸

Специфика средств визуализации нашла отражение в отечественных интернет-ресурсах об эпохе политических репрессий.

К примеру, Виртуальный музей ГУЛАГа (ВМГ) — один из наиболее масштабных медиапродуктов в интернет-пространстве. Он был создан в 2004 г. научно-информационным центром «Мемориал». Музей позиционирует себя как площадку для виртуальной интеграции различных государственных, ведомственных, общественных, школьных и других музейных собраний и экспозиций с целью наиболее полно представить визуальную составляющую истории террора и помочь оценить сегодняшнее состояние памяти о нем.²⁹

ВМГ выстроен как конструктор (собрание фондов). Каждый пользователь этого медиапродукта волен сам выстраивать логику и маршрут своего погружения в тему политических репрессий. Более того, путешествие по «артефактам» внутри сайта не сопровождается подробными комментариями, оставляя свободным пространство интерпретации. Вся палитра интерпретаций может быть перенесена в плоскость индивидуального диалога

²⁵ См.: Вдовина Т. В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2012. № 1. С. 16–26.

²⁶ См.: Моделирование эстетического оформления веб-сайта / Корзина М. И. [и др.]. // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Естественные науки. 2013. № 1. С. 117, 118.

²⁷ Стрелова О. Ю. История в школе остаётся «полем битвы за прошлое», потому что «войны памяти» не утихают // Проблемы современного образования. 2012. № 6. С. 90.

²⁸ См., напр.: Панова Н. Теория цвета. 07.03.2017. URL: <https://postnauka.ru/faq/73352> (дата обращения: 23.03.2019); Фрилинг Г., Ксавер А. Человек — цвет — пространство. Прикладная цветопсихология. М., 1973.

²⁹ См.: Мемориальные программы. Виртуальный музей ГУЛАГа. URL: <http://old.memo.ru/d/3332.html> (дата обращения: 23.03.2019).

героев и артефактов музея и его виртуальных посетителей.

Интересный формат самостоятельного медиапродукта — тематические письма на электронную почту. Информационный портал «Такие дела» ко Дню памяти жертв политических репрессий в 2018 г. запустил проект «Письма врагов народа».³⁰ Проект функционировал в период с октября по ноябрь 2018 г., всего подписались на рассылку около 7 000 человек.

В рубрике «О нас» на портале «Такие дела» написано: «Основная цель... привлечение внимания общества к социальной проблематике,... системное решение социальных проблем с помощью внеполитических инструментов, а именно поддержки и развития российских некоммерческих организаций».³¹ В одном из интервью руководитель портала А. Лошак отметил: «Наш проект — про горизонтальные связи, про взаимопомощь как фактор эволюции», «огромная проблема нашей страны в том, что, во-первых, мы друг другу не доверяем, и это мешает нам объединяться. А во-вторых, мы не понимаем важности этого объединения».³²

Таким образом, организация, позиционирующая себя как неполитическая, включается в рассуждения об эпохе политических репрессий с либеральных позиций. Косвенно об этом говорят и контент, и визуальное оформление самого проекта «Письма врагов народа», где написано: «Раз в неделю мы будем присылать вам письма, которые писали люди из сталинских тюрем и лагерей. Они отправляли их своим родителям, возлюбленным, детям и друзьям. Мы будем присылать эти письма вам, чтобы вернуть репрессированным голос и право на память». Данный посыл аналогичен «возвращению исторической справедливости».

Следующий пример — проект «Бессмертный барак», созданный в 2015 г. Главный продукт ресурса — раздел «Памятник», представляющий собой визуализированную стену памяти, однако вместо безликих строчек ФИО — фотографии репрессированных по разным основаниям. Нажимая на фотографию, можно в стилизованном под 1930-е гг. виде узнать минимальную информацию о каждом человеке.

³⁰ Проект «Письма врагов народа». URL: <http://vraginaroda.takiedela.ru/2/> (дата обращения: 23.03.2019).

³¹ Там же.

³² Там же.

Авторы проекта заявляют своей целью «сохранить память и воспоминания, рассказы и фотографии, документы и свидетельства страшного периода нашей общей истории»,³³ обнаруживая свою принадлежность к либеральному дискурсу.

Любопытным представляется и такой медиапродукт — раздел «Новомученики» в онлайн-версии православного журнала «Фома». Журнал позиционирует себя как «ежемесячное культурно-просветительское издание», миссией которого является «рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества». «Фома» не является официальным изданием Русской православной церкви, но активно сотрудничает с представителями духовенства, журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской православной церкви»,³⁴ что позволяет отнести его к православному подходу.

Определенный исследовательский интерес представляет виртуальная карта ГУЛАГа, размещенная на официальном сайте Музея истории ГУЛАГа. Музей основан в 2001 г. по инициативе прожившего в лагерях более тринадцати лет историка Антона Антонова-Овсеенко. Музей является государственным учреждением, в связи с чем принимает непосредственное участие в формировании официального дискурса.

Сравнительный анализ визуального языка обозначенных интернет-ресурсов позволяет сделать следующие выводы.

Православный («новомученики») и либеральный («Письма врагов народа») дискурсы находятся в диалоге: главная тема, которая их объединяет, — память о жертвах, подчеркнутая цветовой символикой. Ключевые цвета, используемые в каждом случае, — красный, белый и черный. Белый цвет подчеркивает невинность/невиновность жертв, их чистоту и одновременно тоску по ним, красный цвет вызывает чувство тревожности, ассоциируется с кровопролитием, борьбой, в сочетании с белым говорит о невинноубиенных. Черный цвет отсылает к таким значениям, как власть, траур, жестокость. В итоге адресат еще до знакомства с содержанием ресурсов получает содержательный эмоциональный посыл: тревогу и напряжение в связи с произволом и жесто-

костью властей, погубивших невинных людей. Визуальный ряд оказывается глубже текстовального содержания, так как наряду с темой «памяти жертв» на эмоциональном уровне, на уровне ощущений поднимает тему памяти преступлений. В схожем цветовом оформлении представлена виртуальная карта ГУЛАГа (официальный дискурс).

В оформлении сайта «Бессмертный барак», с одной стороны, продолжается стилистика «расстрельного дела» (в выборе шрифта), с другой стороны, предлагается кардинально иное цветовое решение, ассоциирующееся скорее не с кровью и смертью (красный/черный), а с погребением и упокоением (коричневый, бежевый, серый — земля, простота, лаконичность). Эти цвета имеют менее интенсивное воздействие на эмоциональную сферу. Использование такой цветовой гаммы является попыткой сделать коммуникацию между «зрителем» и «жертвами» более интимной, внутренней, диалогичной. Визуальный ряд не предполагает идентификации с либеральной позицией, здесь предложен высокий уровень свободы интерпретации.

Такой подход взят за основу и в оформлении главной рубрики сайта. «Памятник» представляет собой визуализацию «стены памяти» — классического для официального дискурса овеществления памяти о жертвах. Применительно к жертвам репрессий «стена памяти» модифицировалась в «стену скорби» (соответствующий общенациональный памятник жертвам политических репрессий был открыт 30 октября 2017 г. в Москве), соединив символические воплощения официального и либерального дискурсов вокруг темы памяти о жертвах.

Очень близок по стилистике к «Бессмертному барак» Виртуальный музей ГУЛАГа (оба относятся к либеральному проекту). Спокойный серый фон дает возможность акцентировать внимание на лицах и артефактах, предлагая потребителю медиапродукта самому выбрать маршрут и характер диалога с конкретным человеком или в целом с темой эпохи политических репрессий. Примечательно, что рубрика «Люди и судьбы» в Виртуальном музее ГУЛАГа не заполнена, а в «Бессмертном барак» она является ключевой.

Кроме того, если проанализировать контент рассмотренных интернет-ресурсов, то также можно заметить наличие общих тем и акцентов. С содержательной точки зрения Виртуальный музей ГУЛАГа, «Бессмертный

³³ Шалаев А. Бессмертный барак — проект, сохраняющий историю. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/bessmertnyy_barak_-_proekt/ (дата обращения: 23.03.2019).

³⁴ См.: Православный журнал «Фома». Раздел «О нас». URL: <https://foma.ru/o-nas> (дата обращения: 23.03.2019).

барак» и «Новомученики» рассказывают с помощью текстового и фотоматериала о судьбах жертв террора, о тяжелых условиях отбывания наказания в лагерях, о бесосновательных арестах и расстрельных списках.

Главным структурным элементом повествования об отдельных людях, пострадавших от репрессий, является «Дело» — протоколы допросов, фотографии арестованных, документы о реабилитации, личные документы и др. Обложка следственного дела (с номерами, штампами, пометками и пр.) становится символом несправедливости и призывом эту справедливость восстановить.

Важной составляющей репрезентации эпохи политических репрессий и одновременно работы с ее травматическим содержанием становится размещение личных писем и воспоминаний жертв репрессий, их детей и родственников. Благодаря этому семейная память и постпамять значительно расширяют рамки своего бытования, преобразуясь в аффилиативную и ассоциативную.

Проведенный анализ тематических интернет-проектов позволяет утверждать, что медиапространство политики памяти в отношении эпохи политических репрессий обладает большим потенциалом, в том числе в формировании согласованных нарративов об этой эпохе и, соответственно, в преодолении коллективной травмы. Этому в немалой степени способствует интернет-визуализация, являющаяся эффективным инструментом производства необходимых смыслов, ощущений и эмоций.

Визуальный язык позволяет увидеть точки пересечения разных дискурсов. Ряд медиапродуктов может интерпретироваться с точки зрения индивидуальных стратегий, позволяя адресату выстроить собственное отношение к этой теме без риска попасть под огонь критики.

Общенационального государственного проекта, подобного «Памяти народа», посвященного Великой Отечественной войне (сайт Министерства обороны Российской Федерации),³⁵ по эпохе политических репрессий в настоящее время нет, хотя проекты такие предлагаются.³⁶

Если в реальном пространстве официальный и православный дискурсы успешно занимают институционализацией памяти, вытесняя представителей либерального дискурса по принципу «популяризации памяти о жертвах — да, популяризации памяти о преступлениях — нет», то в медиапространстве сети интернет ситуация иная.

Наиболее активно и изобретательно виртуальное пространство используют представители либерального подхода. Православные и официальные проекты политики памяти об эпохе политических репрессий характеризуются фрагментарностью, ситуативностью и факультативным характером.

Представители официального дискурса не используют эффективно возможности интернет-ресурсов в политике памяти об эпохе политических репрессий. Возможно, этому мешает то, что контент подобных ресурсов весьма специфический и ограниченный (содержание следственных дел осужденных, фотоматериал, артефакты, воспоминания родственников), а также то, что успешность интернет-проекта по данной эпохе может быть доступна только в случае, если он будет содержать полноту всех сведений, в том числе о «палачах», что в определенной степени может дискредитировать государство.

Важно отметить, что благодаря медиасредствам представители либерального дискурса создали масштабные проекты, где имеют возможность ставить вопрос о «памяти о преступлениях», не артикулируя его в словах.

Также можно предположить, что наполнение интернет-пространства разнообразными медиапродуктами (в том числе интернет-проектами), связанными с эпохой политических репрессий и основанными на аутентичных документах и серьезных научных исследованиях, может способствовать формированию виртуального культурного ландшафта памяти об эпохе политических репрессий, в котором противостояние различных подходов уступит место плодотворному поиску общественного согласия.

³⁵ См.: Интернет-портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/about/> (дата обращения: 23.03.2019).

³⁶ 10 декабря 2019 г. на заседании Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) директор Музея истории ГУЛАГа Роман Романов обратился к президенту РФ Владимиру Путину с предложением создать базу данных жертв политических репрессий. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7314101> (дата обращения: 23.03.2019).

Yulia V. Zevako

Candidate of Political Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: milirita@rambler.ru

Dina N. Karavaeva

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

MEDIA SPACE OF THE MEMORY POLITICS OF THE POLITICAL REPRESSION ERA
(on the example of thematic Internet projects)

The article discusses the main discourses of the politics of memory about the era of political repression that developed in Russia in the 1990–2010s (official, liberal, orthodox). Features of the process of understanding the events of the late 1920s – early 1950s are considered in the concept of “trauma” (S. A. Oushakin, Z. Bogumil) and “post-memory” (M. Hirsch) on the example of thematic Internet projects (virtual Gulag museum, “Immortal Barak”, “Letters of the Enemies of the People”, “Memorial” and “Thomas” websites). Particular attention is given to the analysis of the language of each of them, to the definition of semantic constructions through which the memory politics of this era is formulated. Representatives of the liberal approach use virtual space most actively and inventively. Orthodox and official memory politics projects on the era of political repression are characterized by fragmentation, situationalism and optional character. The analysis of thematic Internet projects suggests that the media space of the politics of memory in relation to the political repression era has a great potential, including the formation of coordinated narratives about this era and, accordingly, overcoming collective trauma.

Keywords: *memory politics of the political repression era, discourses of the memory politics of the political repression era, Internet projects, post-memory, “trauma”*

REFERENCES

- Antipov G. A. [From memory to history]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2012, vol. 1, no. 4, pp. 31–48. (in Russ.).
- Arthog A. [Order of time. Modes of historicity]. *Neprikosnovennyi zapas* [The untouchable reserve], 2008, no. 3 (59). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (accessed: 23.03.2019). (in Russ.).
- Bibikova L. V. [Postmodernism and the Value Crisis of the European Historical Science]. *Tetrady po konservatizmu* [Essays on conservatism], 2015, no. 3, pp. 59–72. (in Russ.).
- Bogumil Z. [Crosses and stones: the Solovetsky symbols in the construction of the memory of the Gulag]. *Neprikosnovennyi zapas* [The untouchable reserve], 2010, no. 3 (71). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/zu3.html> (accessed: 03.23.2019). (in Russ.).
- Bogumil Z. Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation. *Polish Sociological Review*, 2012, no. 177, pp. 71–90. (in English).
- Freeling G., Xaver A. *Chelovek — tsvet — prostranstvo. Prikladnaya tsvetopsikholgiya* [Man — color — space. Applied color psychology]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1973. (in Russ.).
- Hirsch M. [What is post-memory]. Available at: <http://urokiistorii.ru/article/53287> (accessed: 06.17.2016). (in Russ.).
- Huizinga J. *Chelovek igrayushchiy. Opyt opredeleniya igrovogo elementa kul'tury* [Homo ludens. A study of the play-element in culture]. Saint Petersburg: izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2011. (in Russ.).
- Kondrashin V. V. [On the state policy of the formation and preservation of historical memory]. *Gumanitarnyye nauki. Khronika* [Humanities. Chronicle], 2016, no. 2 (38), pp. 236–240. (in Russ.).
- Korzina M. I., Kostyuchenko O. A., Lysenko V. A., Lysenko A. A., Mayorov I. S., Patashova M. A. [Modeling the aesthetic website design]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: yestestvennyye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Natural sciences], 2013, no. 1, pp. 116–123. (in Russ.).
- Lebedeva O. [One past — two memories: a comparative analysis of the expositions of the Museum of The Baltic-White Sea Waterway and the Museum of The Solovki special camp]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 2018, vol. 10, no. 2, pp. 134–148. (in Russ.).

Lezina E. [Overcoming the past in a post-totalitarian society as a guarantee of socio-political freedom]. Available at: <http://www.cogita.ru/pamyat/kultura-pamyati/teksty-dokladov-konferencii-abmezhdu-pamyatyu-i-amneziei-sledy-i-obrazy-gulagabb-5-7-noyabrya-2007/lyozina-evgeniya.-preodolenie-proshlogo-v-posttotalitarnom-obschestve-kak-garantiya-obschestvenno-politicheskoi-svobody> (accessed: 04.10.2019). (in Russ.).

Malinova O. Yu. [The Problem of Politically Suitable Past and Evolution of Official Symbolic Politics in the Post-Soviet Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy* [The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research], 2013, no. 1, pp. 114–130. (in Russ.).

Miller A. [Politics of memory in Russia. The role of non-state agents]. Gefter [Gefter]. Available at: <http://gefter.ru/archive/20967> (accessed: 04.10.2019). (in Russ.).

Miller A. I. [The role of expert communities in the politics of memory in Russia]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)* [Politeia: Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics], 2013, no. 4 (71), pp. 114–126. (in Russ.).

Oushakin S. [“Should We Breathe This Pain?” On trauma, memory and communities]. *Travma: punkty* [Trauma: points]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2009, pp. 5–41. (in Russ.).

Panova N. [Theory of color]. Available at: <https://postnauka.ru/faq/73352> (accessed: 03.23.2019). (in Russ.).

Putilova E. G. [The problem of the immortalization of the memory of the victims of political repressions in Russia (1980ies — beginning of 2000ies)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2010, iss. 9 (99), pp. 71–75. (in Russ.).

Rostovtsev E. A., Sosnitsky D. A. [Main areas of Russian memorial researches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2014, iss. 2, pp. 106–126. (in Russ.).

Savelyeva I. M., Poletaev A. V. [On the benefits and harms of presentism in historiography]. *“Tsep’ vremen”*: *Problemy istoricheskogo soznaniya* [“Chain of Times”: Problems of historical consciousness]. Moscow: IVI RAN Publ., 2005, pp. 63–88. (in Russ.).

Seregina E. A. [The state institutionalization of the memory of the Stalinism period in Russia and Latvia. A comparative study]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies], 2017, no. 1 (22), pp. 107–115. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-institutsionalizatsiya-pamyati-o-periode-stalinizma-v-rossii-i-latvii-sravnitelnyy-analiz/viewer> (accessed: 10.04.2019). (in Russ.).

Sneagon T. Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making “Patriotic” Sense of the Gulag in Present-Day Russia. *Cultural and Political Imaginaries in Putin’s Russia*. Amsterdam: Brill, 2019, pp. 105–140. (in English).

Strelova O. Yu. [History classroom — still “a field of battle for the past”, as “memory wars” rage on]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2012, no. 6, pp. 83–98. (in Russ.).

Vdovina T. V. [Visual Studies: Basic Methods of Research]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2012, no. 1, pp. 16–26. (in Russ.).

Zemskov V. N. [Extends of political repressions in the USSR: against the speculative and mythological constructions]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2012, vol. 14, no. 3, pp. 79–88. (in Russ.).